

А. Ю. Дворниченко

**Политогенез и вера: к конфессиональной истории
Литовско-Русского государства и Руси**

УДК 94(474/476)+27-9
DOI 10.47132/2618-9674_2024_2_10
EDN VSPLGI

Аннотация: Статья продолжает дискуссию касательно конфессиональной истории Литовско-Русского государства и Руси. Главная идея заключается в том, что столь медленное и постепенное внедрение христианства в сообщества Восточной (и Центральной) Европы, в частности Литвы, настоятельно требует понимания корреляции между христианизацией и становлением государства в этом регионе. Замедленность процесса политогенеза обусловила и довольно затяжную христианизацию, хотя, конечно, христианские конфессии оказались в различных условиях в разных регионах Восточной Европы.

Ключевые слова: Литовско-Русское государство, русские земли, славяне, православие, католичество, язычество.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Дворниченко**

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4813-7340>

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073-П.

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Политогенез и вера: к конфессиональной истории Литовско-Русского государства и Руси // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 2 (26). С. 10–34.

Статья поступила в редакцию 23.07.2023; одобрена после рецензирования 03.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

Andrey Dvornichenko

**Politogenesis and Faith: on Confessional History
of the Lithuanian-Russian State and Rus'**

UDK 94(474/476)+27-9
DOI 10.47132/2618-9674_2024_2_10
EDN VSPLGI

Abstract: The article presents a further discussion on the confessional history of the Lithuanian-Russian State and Rus'. The main idea is that a slow and gradual infiltration of Christianity into the societies of Eastern (and Central) Europe, including Lithuania, can be explained by the correlation between Christianization and the formation process of the state in this region. The process of politogenesis was slow, which also resulted in a rather prolonged Christianization, but of course, Christian denominations were to develop under different conditions in different regions of Eastern Europe.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania and Russian Lands, Slavs, Orthodoxy, Catholicism, Heathenism.

About the author: Andrey Dvornichenko

Doctor of History, Professor, Head of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century, St. Petersburg State University.

E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4813-7340>

Funding: This research was supported by the grant No 19-18-00073-II "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th-20th Centuries" of the Russian Science Foundation

For citation: Dvornichenko A. Politogenesis and Faith: on Confessional History of the Lithuanian-Russian State and Rus'. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2024, No. 2 (26), p. 10–34.

The article was submitted 23.07.2023; approved after reviewing 03.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Важнейшим элементом феномена, известного в российской традиции под названием Литовско-Русское государство (Великое княжество Литовское, Жемойтское и Русское) (далее — ВКЛ), являются конфессиональные процессы. Литовское язычество встретило славянским православием, вступило в отношения с немецким католичеством и все эти разнонаправленные векторы движения венчались уже достаточно сложными отношениями двух христианских конфессий. Почему же не возникло православное балто-славянское государство¹? Из-за нехватки православного прозелитического запала? Из-за сложной международной обстановки вокруг? Возникают и другие вопросы, ответов на которые в современной науке предлагается досадно мало... Кое-какие из них уже поднимались несколько лет назад² и вызвали отклик со стороны прот. К. А. Костромина³.

Тема сравнительного анализа вхождения Руси и ВКЛ в христианство обширна. Мы знаем, что в истории было два пути распространения христианства: без участия (или с противодействием) местной власти, как это было в поздней Античности, и при поддержке власти, как в Средневековье⁴. К этому стоит добавить, что в Античности было гораздо меньше внешних влияний, воздействия сообществ друг на друга. В общем, если уж сравнивать, то надо не только Киевскую Русь и ВКЛ, но и страны Центральной и Восточной Европы, а в идеале и Западной! Но это вряд ли подъемно в рамках одной работы.

Сейчас меня больше всего интересует следующее: может ли принятие христианства (или другой мировой религии) быть маркером формирования государственности? Про феодализм в этой связи даже и говорить не хочу. Полагаю, что сейчас никто из историков не подпишет под утверждением времён существования СССР, что крещение (принятие христианства) — явление, знаменующее собой становление классового общества, развитие феодализма и т. д. Уже в прошлом веке подобное утверждение смотрелось как «вульгарно-материалистический подход»⁵. Но как быть с полито- и государствогенезом? «...Конечной точкой потестарности и начала утверждения государственности на Руси стало время ее официального крещения», — полагает К. А.⁶ Так ли это? Впрочем, этот вопрос можно сформулировать и так: может ли государство существовать без принятия одной из мировых религий?

Прежде всего, как же страны шли к христианству? К. А. видит в этом процессе существенное различие: «позитивный характер поиска веры на Руси» и пассивное ожидание того «момента, когда внешнее влияние пересилило внутреннее

¹ О балто-славянском государстве, о «синтезе» писали самые разные историки, включая «классиков жанра», вроде Х. Ловмянского и В. Т. Пашуто.

² Дворниченко А. Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3. СПб., 2015. С. 76–84.

³ Костромин К. А., прот. К вопросу о сравнении крещения Литвы и Руси // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 11–28. Мне, естественно, очень приятно такое внимание, но с чем-то хотелось бы и поспорить. Может, эта полемика несколько запоздала, но что поделатъ — уж больно годы быстро летят! Нельзя ещё не отметить обширность темы — образ В. О. Ключевского (мысль, как пенное пиво, не хочет уместиться в бокале) тут весьма кстати. Так что прошу прощения у читателя за лапидарность: подробнее — в книге, над которой работаю...

⁴ Kosman M. *Od chrztu do chrystianizacji. Polska — Ruś — Litwa*. Warszawa, Książka i Wiedza, 1992, s. 22. В интересной книге М. Космана примечательно даже название: «От крещения до христианизации». Его, наверное, можно было поставить и в качестве эпиграфа к моей статье. В исторической реальности между этими явлениями может быть значительное временное пространство.

⁵ Фроянов И. Я. Об историческом значении «крещения Руси» // Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 763–788. Работа впервые опубликована в 80-х гг. XX в.

⁶ Костромин К. А. К вопросу о сравнении крещения... С. 13.

сопротивление» — у литвы⁷. Мне такой подход кажется некоторым преувеличением в сторону идеализации восточнославянских интенций. И «Фотиево крещение», и другие хорошо известные события⁸ носили, в общем-то, случайный характер хотя бы в том смысле, что существенного влияния на становление христианства не оказывали. Собственно, так было во всей Центральной и Северной Европе, на Балканах⁹. Первые встречи с христианством были результатом воздействия внешних более развитых соседей, что, кстати, со временем могло привести к поглощению со стороны этих самых соседей, как это получилось с Карантанией или формирующимся княжеством ободритов¹⁰.

Кстати, влияние внешнего фактора ещё надо изучать для более глубокого понимания. К. А. (со ссылкой на литературу), пишет, что «Византия не навязывала христианство тем народам, с которыми она вступала в дипломатические, военно-союзнические или торговые отношения»¹¹. Видимо, всё-таки амбивалентность великой империи не стоит преувеличивать. Д. С. Лихачев в своё время подметил, что, создавая церковную организацию у варварских народов, византийцы стремились заменить отсутствующее у варваров государственное управление¹², чтобы иметь дело с более устойчивыми структурами. Сказывалась, конечно, «прямолинейность» византийского миссионерства: с «тяжелой» (неумелой) руки греков христианство не хотело приживаться в IX в. ни на Руси, ни в Моравии, ни в Болгарии. Но миссионерская концепция становилась всё более изощренной и нюансированной¹³.

Но дело даже и не в этом. Варвар, подобный св. князю Владимиру, при виде византийского великолепия просто ничего другого уже не хотел. И тут надо скорее ориентироваться на «речь Философа», а не на явно беллетризированный «выбор вер» тем же Владимиром¹⁴. Западные же «партнеры» «полностью разъединенным и обособленным славянским народам» могли предложить только довольное сумрачное богослужение, да вслед за обращением в христианство — ярмо политической зависимости¹⁵.

Полагаю, что все эти внешние плюс внутренние факторы позволяют поставить под сомнение «теорию выбора». В реальной исторической жизни *выбора* ни у кого *никакого* не было: кому суждено было принять христианство в западной

⁷ Там же. С. 23–24.

⁸ Фроянов И. Я. Об историческом значении «крещения Руси».

⁹ Berend N. Introduction. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Cambridge, 2007, p. 11.

¹⁰ Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 243.

¹¹ Костромин К. А. К вопросу о сравнении крещения... С. 23.

¹² Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М., Л., 1945. С. 18.

¹³ Иванов С. А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 26–27.

¹⁴ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М., 2010. С. 113. Полагаю, что это великолепие играло гораздо большую роль, чем представление о том, что Христос обладает большей магической силой, чем языческие идола (Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы... С. 162). Хотя языческие реалии в самом крещении мы уже много лет назад старались разглядеть (см.: Froianov I. Ya., Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions. *Russian Traditional Culture. Religion, Gender and Customary Law*. New York, 1992).

¹⁵ Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе Европы. М., 2019. С. 171, 174 (впервые издано в 1873 г.).

традиции — те и получили, а кто в восточной, византийской — получили тоже. А кто-то испытал что-то вроде геноцида, например, пруссы или ободриты...

О литовском случае стоит сказать подробнее. Собственно, мир и узнал о литве/Литве благодаря попытке Бруно Квертфуртского приобщить варваров к христианству в далеком 1009 г.¹⁶ Закончилось всё вполне в духе языческих времён — убийством и расчленением Бруно. Современная литовская наука отдала должное всей этой ситуации. Э. Гудавичюс увидел здесь «древнейший пласт литовской государственности»¹⁷. Ещё дальше пошёл Т. Баранаускас, который обнаружил тут и ятвяжского князя Нетимера, и даже «сход центральной волости»¹⁸. Всё это беспочвенные фантазии. Встретились два мира, и на представителей мира первобытности священники (странные чужаки с обритыми головами, поющие непонятные псалмы)¹⁹ произвели самое неблагоприятное впечатление: «Из-за подобных людей наша земля не будет приносить урожая, деревья — плодов, не родятся новые существа, а старые умрут». Так что постановка вопроса — «О мотивах убийства миссионера трудно строить даже догадки» (А. С. Кибинь) — пожалуй, неуместна. Всё ясно: это языческое жертвоприношение. Не случайно эти непосредственные дикари подвергли священников сугубо языческой казни через отсечение головы с последующим водружением её на кол²⁰. В языческих жертвоприношениях голова жертвы имела особое значение²¹. Не случайно они оставили неприбранными и их тела: подобные факты фиксируются этнологической наукой.

Контакты возобновляются в конце XII—XIII в. Крещение тех или иных литовских вождей было случайным явлением. Вернее, оно стало средством в борьбе разных сил: папства, крестоносцев и Польши²². Характерна ситуация начала 50-х гг. XIII в. Литва выступала в роли военной силы, поддерживавшей столкновения русских волостей (городов-государств) между собой. Сюда же вмешивался и Запад в лице своего рижского анклава. Тевтонский орден проявил беспрецедентную (такой ни до, ни после уже не было) активность, чтобы проникнуть вглубь собственно литовских территорий²³. Один из литовских вождей — Товтивил — прибыл в Ригу «с полоном Даниловым ... и прияши Рижани с великою честью и крещен бысть»²⁴.

Его противник — Миндовг (одна из ключевых фигур этого времени) — не потерялся: он сделал ставку на ливонского магистра, хорошо одарив его. Союз этот был весьма выгоден и Ордену, и епископу, и Риге. Не обошлось и без участия папы

¹⁶ Annales Quedlinburgenses. Ed. G. H. Pertz. *Monumenta Germaniae Historica*, Scriptorum. 1839. Т. III, p. 80.

¹⁷ Gudavičius E. *Mindaugas*. Vilnius, 1998, s. 123; Gudavičius E. Brunonas Kverfurties ir Lietuva. 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. Vilnius, 2006, s. 47–58. В еще одной работе этот Бруно «заставил» историка увидеть у литовцев в это время «викингское литовское общество» — только лодку заменил конь! (Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 29).

¹⁸ Baranauskas D. *Lietuvos valstybes ištakos [Происхождение литовского государства]*. Vilnius, 2000, s. 136–141. Вряд ли тут можно усмотреть и какой-то «союз племен» (ср.: Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. *Lietuvos istorija iki 1795 metų*. Vilnius, 1998).

¹⁹ Třeštík D. Křest českých knížat roku 845 a christianizace Slovanů. *Český časopis historický*, 1994, R. 92, Č. 3, s. 451.

²⁰ Кибинь А. С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М., 2014. С. 87.

²¹ Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб., 2003. С. 149–150.

²² Польские историки (В. Абрахам, К. Ходыницкий, да и современные) с понятным чувством писали об опасности крестоносного крещения Литвы (Kosman M. Najnowszy obraz chrystianizacji Litwy: widziane znad Wilii. *Nasza Przyszłość*, 2015, t. 124, s. 247).

²³ Gudavičius E. *Mindaugas*, s. 219.

²⁴ ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 816.

Иннокентия IV, что принесло конкретный результат — крещение самого Миндовга²⁵. А вскоре благодетель-магистр его и короновал²⁶. Речь шла не о настоящей большой короне, а лишь о венце, так называемой стемме — полоске золота с несколькими вертикальными зубцами. «Такие стеммы Иннокентий IV, его предшественники и преемники раздавали десятками, лишь бы только продвинуть католицизм как можно дальше в христианском мире»²⁷. Это сказано о русском «короле» Данииле, но такой «корона» был коронован и Миндовг. Причём, в случае Миндовга корона была не прислана из «центра», а изготовлена тут же — в Риге.

Намерения славного представителя литовского вожества в отношении рецепции христианства вряд ли стоят количества той бумаги, которая исписана историками за несколько столетий²⁸. Их можно выразить сентенцией галицкого-волинского летописца: «крещение его лъстиво бысть»²⁹. Это, конечно, не исключает постановки некоторых интересных проблем, например, о существовании кафедрального собора во времена Миндовга. Впрочем, теория оказалась фантазией, рожденной патриотическим подъёмом 80-х гг. прошлого века в Литве: ни собора, ни Вильнюса, ни, кстати говоря, государства в ту пору ещё не существовало³⁰.

Сложнее с католической миссией в это время. Она, видимо, была, но сведений о её деятельности очень мало. О епископе Кристиане известно только, что в 1257 г. он покинул Миндовга и потом жил и трудился в германских землях³¹. О епископе Вите сведений несколько больше, но лишь чтобы пробудить нескончаемые споры, вызывающие у некоторых просто пессимизм³². И всё-таки кое-что мы о нём знаем. Анализ этого довольно скудного для эвристических целей материала позволяет сделать вывод — епископ Вит является реальным историческим лицом. Другое дело, что трудно разделить уверенность А. Шведа в том, что он действовал только в литовских и вряд ли в ятвяжских землях³³. Он исходит из того, что источники того времени чётко разделяли этносы литовцев, пруссов, ятвягов. Но та же «Великая хроника», которая упоминает Вита, называет Миндовга (Мендольфа) королём пруссов³⁴. Вряд ли всегда разбиралась в них и папская курия. Так что когда Ян Длугош поставил вслед за вроцлавским, влоцлавским и русским епископами «литовского» Вита, он вполне мог иметь в виду и ятвягов³⁵.

К этому времени выявляется и та искусственная альтернатива, о которой речь шла выше: некоторые из важнейших акторов литовско-русской истории приняли

²⁵ Там же. Стб. 816–817.

²⁶ *Historia Russiae Monumenta*. Ed. A. I. Turgenev. T. 1. Petropoli, 1841. № 84–87. С. 75–77.

²⁷ Котляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб., Киев, 2008. С. 288.

²⁸ Пожалуй, последний по времени серьезный анализ проблемы: Baronas D., Rowell S. C. *The Conversion of Lithuania from Pagan Barbarians to Late Medieval Christians*. Vilnius, 2015, p. 77–118.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 817.

³⁰ Baronas D., Rowell S. C. *The Conversion of Lithuania...* p. 84.

³¹ Wojtecki D. *Studien zur Personengeschichte des Deutschen Ordens im 13. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1971. S. 148–153.

³² См. историографию: Szweida A. Problem biskupa litewskiego Wita. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, 2002, № 3, s. 327–339. Правда, не понимаю, почему он отнес к литовской историографии германского исследователя М. Хеллмана (S. 336). Э. Гудавичюс, видимо, вовсе разочаровался в этой теме: «В 1253 г. в сан епископа Литвы был рукоположен доминиканец из поляков Вит, однако сведения о нем в Литве не сохранились» (Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен... С. 56).

³³ Szweida A. Problem biskupa litewskiego Wita, s. 342.

³⁴ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 169, 185.

³⁵ *Jana Długosza Roczniki czyli chroniki Sławnego krolewstwa Polskiego*, Ks. 7, 8, s. 119.

крещение по восточному обряду. Это такие яркие фигуры, как князя Довмонт и Войшелк. С первым достаточно просто: после «мятежа» в Литве «вбегоша в Пльсков с 300 Литвы с женами и с детми, и крести Святослав с попы пльсковькими и с пльсковичи»³⁶. Видимо, в составе этой беглой группы был и противник действовавшего в Литве Войшелка князь Довмонт. А. В. Валеров считал, что Довмонт прибыл в Псков самостоятельно³⁷. Д. Г. Хрусталева опровергает эту версию, но трудно согласиться с его утверждением, что Довмонт «очевидно, не воспринимался как независимый государь», обладая только военными функциями³⁸. Во всех летописях сказано, что «посадиша его на княжении». В Древней Руси это могло означать только одно: избрание человека князем со всеми вытекающими из того полномочиями и последствиями. Не убеждает в связи с этим и образ князя Аугуста, которого прислал из Новгорода, уходя оттуда, Ярослав Ярославич — дескать именно он и был «настоящим» князем³⁹. В. Т. Пашуто убедительно предполагает, что речь идёт о ситуации, когда Довмонт отсутствовал в Пскове⁴⁰. Его объяснение изменения позиций Ярослава и новгородцев по отношению к Довмонту гораздо более убедительное, чем Д. Хрусталева.

Оказавшись в православном окружении, Довмонт сумел проявить качества, столь ценившиеся древнерусскими людьми в князьях: мужество, ум, волю. Был по достоинству оценен на Руси и даже канонизирован. Похоже, что к своему языческому прошлому он не возвращался, забыл о своём языческом отношении к женщинам⁴¹, степенно женился на местной даме.

Сложнее с Войшелком. Для этого обращенного в православие князя обстоятельства сложились так неблагоприятно, что он не мог сосредоточиться ни на вере, ни на делах правления. Правда, вокняжение его в Новгородской волости⁴² ещё при жизни Миндовга несёт в себе элемент тайны: летописец никак не объясняет жестокость его правления. Может древнерусский «списатель» ещё и стусил краски, ища объяснение принятия Войшелком таинства крещения⁴³. Интересно, что при всех связях с Галицко-Волынской Русью князь ездил в Полонинский монастырь в румынские земли⁴⁴.

³⁶ ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Стб. 85, 314.

³⁷ Валеров А. В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. С. 200.

³⁸ Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 2. СПб., 2009. С. 114. В Пскове, якобы, не было «стола», а Довмонт назван «князем» по рождению — литовский князь, а не псковский (Там же. С. 116). Стол в городе был уже давно, псковичи изгоняли и приглашали князей. Как-то странно трактует положение Довмонта и А. К. Кравцевич: «...Со своим статусом изгнанника он вряд ли мог надеяться на хорошую карьеру в другом месте, вот почему верой и правдой стал служить новой родине» (Кравцевич А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 1998. С. 178). Это явная модернизация истории и понятий с ней связанных — например, «родины».

³⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 89, 321.

⁴⁰ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 54.

⁴¹ Напомню, что Довмонт убил Миндовга за то, что тот отнял у него жену (ПСРЛ. Т. II. Стб. 859–860). Согласно, правда, позднему летописанию, сам Довмонт, скажем так, отторг жену у другого литовского вождя — Наримунта (ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. М., 2008. Стб. 434). Весь этот сюжет в духе *cherchez la femme* носит явную языческую окраску.

⁴² Стоит напомнить, что речь идет о Новгородке Литовском — одним из центров так называемой Черной Руси историческом регионе нынешней Белоруссии.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 858. Кроме как какими-то ритуальными убийствами это явление объяснить нечем.

⁴⁴ Волощук М. Галицькі князі та знать у відносинах із Литвою XII–XIV ст. // Український історичний журнал. 2018. № 4 (541). Липень-серпень. С. 10.

Из этих мест он попытался пробраться в Святую землю, но международная ситуация не дала паломничеству осуществиться, и Войшелк основал монастырь на Немане «межи Литвою и Новымгородком». После гибели отца — Миндовга — он бежал в Пинск.

И вот перед нами сцена из древнерусской жизни: «Войшелк поиде с Пиняны к Новоугороду и оттоле поя со собою Новгородце и поиде в Литву княжить. Литва же прияша и с радостью своего господичича»⁴⁵. Итак, Войшелк первоначально опирается на Пинскую городскую/волостную общину, что позволяет ему опереться и на общину Новгородка. Другими словами, пиняне и новгородцы сажают в литве князем своего ставленника — ситуация обычная для Киевской Руси⁴⁶. Тогда ясно, что «радостная» формула летописца — не что иное как дань летописной традиции. Хотя, может быть, какая-то часть литвы и встречала Войшелка с восторгом. Но явно не все!

«Войшелк начал княжити во всей земле Литовской и поча вороги свое избивати, изби их бесчисленное множество, а друзии розбегошася камо кто видя». Можно предположить борьбу различных группировок. Это подтверждает и новгородская летопись, в которой говорится о Войшелке: «... Совекупи около себе вои отца своего и приятели, помолився кресту честному, шед на поганую Литву и победи я, и стоя на земле их всё лето»⁴⁷. Но, судя по всему, речь должна идти о борьбе не только разных партий, но и различных районов, поскольку позже, получив помощь князя Василько, Войшелк стал захватывать города в «Дявельтве и в Нальщанехъ», избивая врагов⁴⁸.

В любом случае, мысль Т. Баранавускаса о том, что православный князь не пользовался популярностью в Литве⁴⁹ — нечто вроде раннекатолической фантазии. Такой же фантазией была и идея В. Т. Пашуто о том, что Войшелк был продолжателем борьбы за единство, а также перераспределял земельную собственность, населенную крестьянством, в пользу служилого люда. Ему почему-то была «видна феодальная природа этих беглецов» от Войшелка⁵⁰. Я ничего подобного в источниках не наблюдаю...

Потом Войшелк снова разочаровался во власти, отдал её Шварну, а сам снова ушёл в монастырь. А ещё позже он был убит Львом Даниловичем, так и не простившим ему передачу Литвы Шварну. Модернизируя историю, историки видят во всех этих событиях лишь политическую сторону в духе государств нового времени⁵¹. На мой взгляд, нельзя в них игнорировать глубокую языческую архаику. И не только в самой смерти князя, но и в диархическом характере правления, причём весьма примечательно, что в состав этой диархии входят и литовские, и русские земли⁵².

⁴⁵ Там же. Хотя бы поэтому нет никаких оснований считать Новогрудок «основным центром литовской власти» (Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 36).

⁴⁶ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. Т. Баранавускаса такая мысль никак не радует, и он пытается принизить роль новгородцев и пинян, дескать, главные события в Литве — там была подготовлена почва для появления Войшелка (Ср.: Баранавускас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // *Castrum, urbis et bellum*. Баранавічы, 2002. С. 36). Почва, может, и была, но без русских ничего бы не получилось.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 85. Кстати, картина, которую рисует новгородец, довольно курьезна. Он изображает поход Войшелка на Литву как борьбу христианства с поганой (то есть, языческой) литвой (Там же. С. 84–85).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 863.

⁴⁹ Баранавускас Т. Новогрудок в XIII в... С. 36.

⁵⁰ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 384.

⁵¹ Войтович Л. В. Лев Данилович князь галицко-волинский (бл. 1225 — бл. 1301). Львів, 2014. С. 138–147.

⁵² Дворниченко А. Ю. О «диархии» в древней Литве // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 180–185.

При этом, думаю, не стоит Войшелка считать лишь жертвой обстоятельств, говорить только о насильственном характере его пострижения. На этом настаивает украинская исследовательница Т. Л. Вилкул. Её соображения основываются на аналогии между Войшелком и князем Игорем Ольговичем — героем известных событий в Киеве 1145–1146 гг.⁵³ Полагаю, что сравнение тут сугубо натянутое: Войшелк был убит злокозненным Львом, а Игорь — разгневанным киевским людом, и Изяслав просто не смог его спасти от гнева народа⁵⁴.

Случай Войшелка позволяет нам сказать несколько общих слов касательно воздействия православия. Мы — российские историки — с позапрошлого века любим говорить о сильном влиянии русской культуры, православия на литву/Литву. И это правильно. Но и преувеличивать, однако, не стоит. Восприятие православия носило ситуационный, «политический», так скажем, характер. Православными становились те князья и их окружение, которые оказывались на столах в русских городах⁵⁵. С ними происходило примерно то же, что и с варягами, появлявшимися в славянской среде в качестве князей⁵⁶. Стоит помнить о том, что сама этническая литва не очень интересовалась православием. В Вильнюсе были православные храмы и, может, в них окормляли не только местных русских, но массового крещения не было. Здесь был и немецкий район, и даже караимская кенасса.

Собственно, такое же отношение к религии наблюдается и в XIV в. Представитель новой «династии» Гедимин может предстать перед потомками движителем католизации Литвы. Вернее, мог бы, поскольку все его намерения оказались блефом⁵⁷. В православие он, несмотря на многочисленные связи и союзы с русскими землями, также не крестился. Зато он вовсе не возбранял своим сыновьям становиться православными, особенно, когда была видна перспектива утверждения их в наших северо-западных полициях: Пскове и Новгороде. Мы ничего толком не знаем о женах Гедимины (1315–1341), но зато знаем о женах его сыновей-дуумвиров: Кейстута и Ольгерда. Кейстут был закоренелым язычником и женат был на похищенной им служительнице языческого культа вайделотке Бируте, как верховный жрец осуществлял языческие обряды⁵⁸ и убит был явно по языческому обряду.

Сын же его Бутовт в 1365 г. бежал к «крыжакам» и стал Генрихом после католического крещения. У Ольгерда, занимавшегося русскими делами, обе жены были русские княжны: витебская и тверская. Они всеми силами боролись за дело православия, но сил явно не хватало. Одно исследование вопроса о его крещении недавно показало (довольно убедительно), что он в православие крещён не был⁵⁹. Во всяком случае, погребён он был в соответствии с языческими традициями.

⁵³ Вилкул Т. Л. Галицько-Волинський літопис про постриження литовського князя Войшелка // Український історический журнал. 2007. № 4. С. 28.

⁵⁴ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

⁵⁵ Kosman M. *Od chrztu do chrystianizacji...*, s. 97. Сам факт союза с русскими далеко не всегда приводил к крещению, как об этом свидетельствует известный случай с вождем Даугеруте, заключившим мирный союз с «новгородским королем» (см.: Паушто В. Т. Образование Литовского государства. С. 373).

⁵⁶ Paszkiewicz H. *The Origin of Russia*. New York, 1954, p. 200–206.

⁵⁷ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М., Л., 1959. С. 200–202.

⁵⁸ Kosman M. *Drogi zaniku pogaństwa u Baltów*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1976, s. 15.

⁵⁹ Хоруженко О. И. О вероисповедании литовского великого князя Ольгерда // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 1 (13). С. 11–29. Хотя известие пусть поздней, но иной раз содержащей интересные факты Густынской летописи так легко не отбросишь (см.: ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003. С. 129).

Но случай Ольгерда интересен ещё и тем, что хотя он сам не крестился по православному обряду, но, также как и Гедимин, не только не препятствовал, но и способствовал крещению своих сыновей, когда надо было посадить сыновей на княжение в русских городах. Так было с Андреем, когда его посадили в Пскове, с Владимиром, соответственно, — в Киеве и Дмитрием, посаженным отцом на Брянское княжение. Интересно, что мы даже не знаем языческих имён этих князей. Был ещё сын Гедимины Любарт (умер ок. 1384 г.), княживший в Луцке и Владимире, который в крещении стал Дмитрием.

Об Ольгерде надо сказать ещё несколько слов. Несмотря на казнь людей из своей свиты, которые потом и стали знаменитыми «виленскими мучениками», гонителем православия князь не был. И казнили-то, собственно, из-за того, что они нарушили сакральность высокочтимого язычниками княжеского пира⁶⁰. Кстати, эта казнь имела ярко выраженный языческий характер, достаточно взглянуть на то, как она происходила⁶¹. Сам же князь к православным в целом относился вполне приязненно⁶².

Сугубо языческое, потребительское отношение к христианству проявилось и в том условии, на котором Ольгерд соглашался принять православие, если преемник митр. Феогноста перенесет свою резиденцию в ВКЛ⁶³. Не удивительно, что в Константинополе власть великих князей литовских рассматривалась в это время как гнездо язычества⁶⁴.

Полагаю, что отсутствие глубинного интереса к православию объясняется достаточно легко. Православие не могло служить должным политическим образцом для формирующейся ещё не государственной, но уже всё-таки «политической» власти. И дело здесь не в сварах между князьями, наблюдаемых литовской властью⁶⁵, а в отсутствии в древнерусских землях-волостях хоть какого-то единства. Вопрос с православием решался уставными грамотами, которые литовские князья выдавали русским землям. В них они обещали никак не ограничивать свободу исповедания.

Политика литовских князей по отношению к митрополичьему столу много раз изучалась в историографии. Особенно на раннем этапе этой «политики» явно заметна политическая подоплёка: литовские князья пытались использовать митрополию как некую «скрепу», которая объединяла бы разбегавшиеся в разные стороны древнерусские земли. Лишь со временем это стало использоваться ещё и как орудие в борьбе с усиливавшимся Московским государством. Обычно считают, что все эти меры были запоздалыми, произошла переориентация на Запад, а ситуация «конфессионального выбора» для правителей ВКЛ исчезла⁶⁶.

Но ведь и к католицизму особого интереса по-прежнему не было. Ягайло, между прочим, и накануне первой (Кревской) унии был язычником. Ему, в общем-то, было

⁶⁰ На эту деталь обратил внимание О. И. Хоруженко. Жаль, что он не знаком со ставшими уже классикой работами И. Я. Фроянова, в которых прекрасно показана языческая сущность древнеславянского пира. В полной мере это можно отнести и к древнему литовскому пиру.

⁶¹ Огицкий Д. П. К истории виленских мучеников // Богословские труды. Вып. 25. М., 1984. С. 226–246.

⁶² Хоруженко О. И. О вероисповедании литовского великого князя Ольгерда. С. 16–17.

⁶³ Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990. С. 177, 204; Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 289.

⁶⁴ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Приложения. Стб. 120 и след.

⁶⁵ Костромин К. А. К вопросу о сравнении крещения... С. 25.

⁶⁶ Голубев О. Е. Константинопольский патриарх Филофей Коккин и «языческий вызов Литвы» // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.). М., 2015. С. 83.

безразлично, куда податься: в католичество или православие. В Описи Архива Посольского приказа 1626 г. сохранилось упоминание московско-литовского договора первой половины 80-х гг. XIV в., согласно которому Ягайло собирался жениться на дочери московского князя и крестить всю Литву по православному обряду⁶⁷. Даже и Витовт, по сути, был ещё язычником: догматы христианской веры, по собственному его предсмертному признанию, были ему ещё недоступны. Достижения католичества после, по сути дела, двух крещений: аукштайтов и жемайтов, были весьма скромными⁶⁸. Более того, возможно, что, как и на Руси, само крещение воспринималось населением как *языческий акт*, а Ягайло выступил в роли верховного жреца, как и его предшественники⁶⁹.

О некоей сознательной церковной политике в рамках страны в целом можно говорить лишь во времена Казимира Ягеллончика (1440–1492). Не вызывает удивления, что эта политика приобретала характер унии — что ещё можно было придумать в ВКЛ, где по-прежнему сосуществовали язычество, православие и католичество. Не менее важно и то, что позиция самого Казимира была непоследовательной и подверженной колебаниям. Впрочем, православное население ВКЛ испытывало ещё более сильные колебания⁷⁰. О попытках решения конфессиональных проблем с помощью Флорентийской унии 1439 г., говорит послание достаточно обширной группы представителей ВКЛ папе Сиксту IV от 1476 г.⁷¹ В эту группу входили авторитетные архимандриты из Киева и Вильно⁷², представители крупной служилой знати, вроде Ивана Ходкевича, Александра Солтана, Ивана Солтана, писаря Якуба, а также православные князья Гедиминовичи: Михаил Олелькович, Федор Бельский и Дмитрий Константинович Вяземский.

Кстати, участие именно этих православных князей составляет самую большую загадку для историков. Б. Н. Флоря обратил внимание на то, что они были явными противниками Казимира, а двое из них приняли участие в известном заговоре князей, ставшем важной вехой в эволюции внутренних отношений в ВКЛ⁷³. Но тут ничего, на мой взгляд, загадочного нет. Данное послание было явно «партийное», а эти князья были самые решительные, что и подтверждает их участие в мятеже. К тому же сам Б. Н. Флоря подметил, что владения всех этих князей находились в церковной юрисдикции «нареченного» митрополита Мисаила⁷⁴. К тому же факт «санкции и одобрения» этого послания со стороны Казимира Ягеллончика⁷⁵ требует дополнительного обоснования, хотя сам по себе, вообще-то, решающего значения не имеет. В конце концов, отношения между «партиями» и между людьми менялись и тогда.

⁶⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. М., Л., 1948. С. 208. О ситуации см.: Греков Б. Д. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 174–178.

⁶⁸ Наличие мощной польской традиции изучения этого вопроса позволяет мне не пускаться в самостоятельное изучение. См., например: Abraham W. Polska a chrest Litwy. *Polska i Litwa w dziejowym stosunku*. Kraków, 1914, с. 7–9 и след.

⁶⁹ Kosman M. Najnowszy obraz chrystianizacji Litwy..., s. 257.

⁷⁰ Флоря Б. Н. Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI века // Славяне и их соседи. Вып. 7. М., 1999. С. 40–41.

⁷¹ Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. VII. С. 231.

⁷² Несколько смущает, что послание не подписали епископы (Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. СПб., 1879. Т. IX. С. 57). Но это не повод утверждать, что духовенство проигнорировало послание (ср.: Флоря Б. Н. Попытка осуществления церковной унии... С. 49).

⁷³ См. о нем: Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993. С. 210–211.

⁷⁴ Флоря Б. Н. Попытка осуществления церковной унии... С. 78. Сн. 57.

⁷⁵ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. IX. С. 54.

Оставляя это краткое изложение литовско-русской истории, хочу теперь отметить, что, как мне представляется, К. А. торопит события, наблюдая развитие христианства и отступление язычества в Восточной Европе. Мне не хотелось бы входить в обсуждение такого понятия, как «охристианенное язычество», критике которого уделяет значительное внимание К. А. Более того, я готов признать, что такого явления и вовсе могло не быть, как, скажем, и «языченного христианства»⁷⁶. «Мысль изреченная ...», а тем более искусственный термин, если и не ложь, то не отражает всей сложности явления. Важно отметить, что в домонгольский период христианство лишь скользило по поверхности древнерусского общества, не имея возможности проникнуть в его глубины. К. А. отмечает, что хотя памятники древнерусской письменности XI в. демонстрируют полное отсутствие интереса к язычеству, «возврат» к нему в XII в. создает обманчивое впечатление чужеродности христианства на языческой основе⁷⁷. Обманчивое или нет, но языческая реакция явно свидетельствовала о неустойчивом ещё положении христианства. Языческие восстания вспыхивали и в других недавно крещёных странах. В Польше также потребовалось два века, чтобы христианство укрепилось. Парафиальное устройство здесь более или менее развивается только в XIII в.⁷⁸ Христианство затронуло лишь некую верхушку польского общества⁷⁹.

Кстати, советские исследователи 80-х гг. прошлого столетия обнаружили подобное медленное привитие христианства во всех славянских (и неславянских) странах, крещёных в это время: Сербии, Хорватии, Чехии, Польше, Венгрии⁸⁰. Такое отношение «широких масс населения» к христианству поставило тогда советских исследователей в тупик⁸¹. А ведь тут всё ясно: массы по сути своей оставались язычниками и плохо воспринимали христианство. Была ещё одна причина, но о ней скажу ниже.

Дело даже и не в воинственной языческой реакции, а в том, что язычество продолжало жить в сознании народа: православие не оказывало, например, влияния на эволюцию погребального обряда⁸². На Руси в XI в. христианизация затронула лишь население городов, а в сельских местностях языческий курганный обряд удерживался до середины XIII в. и позднее⁸³. Отражалось весьма ярко и в письменности —

⁷⁶ Тем более у меня нет возможности погружаться в глубины такой проблемы, как фольклор (сиречь язычество). Хотя уже П. Киркпатрик показала, что все упирается в понимание «фольклора», а это понимание меняется от эпохи к эпохе (Kirkpatrick P. G. *The Old Testament and folklore study*. Sheffield, 1988).

⁷⁷ Костромин К. А. К вопросу о сравнении крещения... С. 19.

⁷⁸ Kosman M. *Od chrztu do chrystianizacji...*, s. 36, 55.

⁷⁹ Kwiatkowski St. *Powstanie i kształtowanie się chrześcijańskiej mentalności religijnej w Polsce do końca XIII w.* Warszawa, 1980.

⁸⁰ Принятие христианства народами... С. 97, 141, 151, 183. С советскими вполне солидарны и современные западные историки: Urbanczyk P., Rosik S. *The kingdom of Poland, with an Appendix on Polabia and Pomerania between paganism and Christianity. Christianization and the Rise of Christian Monarchy...*, p. 279.

⁸¹ Принятие христианства народами... С. 151.

⁸² Конецкий В. Я. О роли христианства в эволюции погребального обряда населения Новгородской земли в эпоху средневековья (по данным археологии) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 78.

⁸³ Седов В. В. Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» (погребальный обряд) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 49. То же самое обнаружил и Дж. Шепард. См.: Shepard J. Rus'. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy...*, p. 390–391. Спор о влиянии христианства на погребальный обряд шел в польской науке. Так, были те, кто находил влияние не христианства, а Каролингской империи. См.: Gąssowski J. *Religie pogańskich słowian i jej przeżytki we wczesnym chrześcijaństwie. Archeologia Polski*, 1971, t. 16, s. 135–157.

достаточно вспомнить «Слово о полку Игореве». Это чисто языческая поэма, но ведь так или иначе отражалось оно и в других произведениях того времени. Оно пронизывало сознание далеко не только крестьян, но даже князей⁸⁴. Практически весь период Киевской Руси, т.е. до XIII в. включительно, христианской религии приходилось не на жизнь, а на смерть сражаться с «остатками» язычества: языческие практики продолжали бросать вызов христианскому учению, будь это в области поклонения культу плодородия, в семейно-брачных отношениях и в других сферах⁸⁵. Читателю, знакомому с темой, ясно, что развивать её можно ещё очень долго.

Литовское язычество требует дальнейшего изучения. Это изучение прошло путь от явной идеализации в духе древнегреческой мифологии⁸⁶ до постепенного вытеснения из исследовательского поля в советские времена. Сейчас упор делается на изучение распространения христианства, что приводит к появлению несколько прямолинейных трактовок литовского язычества, например, в духе зороастризма⁸⁷. Полагаю, что литовское язычество вполне сопоставимо с древнерусским язычеством, не случайно у них многое совпадает: например, верховное божество Перун — Перкунас. Впрочем, версия, что язычество поляков и русских в более старое время (IX–XI вв.) было более примитивным, чем литовский «политеизм»⁸⁸, вполне имеет право на существование. Дело в том, что литовское язычество существовало позже и могло впитывать в себя разнобразные влияния.

Вспомним тут только один, но яркий факт. В византийской хронике Иоанна Малалы и древнерусской Ипатьевской летописи до нас дошли драгоценные сведения о пантеоне литовских богов⁸⁹. С этим пантеоном тесно связан миф о первочеловеке Совии, который, оставаясь живым, испытал все формы погребения и пришёл к выводу, что самый лучший вариант — быть кремированным⁹⁰. В то же время этого «искателя лучших форм упокоения» относят к богам соляного круга, тесно связанным с солнцем и божественным огнём. В этом смысле он близок славянскому Сварогу⁹¹.

Как видим, тут явно заметно внешнее влияние. Но язычество — оно и есть язычество. Трудно представить себе высокоразвитые средневековые общества, которые функционировали бы на основе такой религии. Тут я возвращаюсь к тому, с чего начал

⁸⁴ Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 16. Л., 1960. С. 84–104.

⁸⁵ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: в 2-х тт. М.; Харьков, 1913–1916.

⁸⁶ Narbutt T. *Dzieje starożytne narodu litewskiego*, t. I: Mitologia litewska. Wilno, 1835.

⁸⁷ Голубев О. Е. Константинопольский патриарх Филофей Коккин... С. 67–83.

⁸⁸ Kosman M. *Od chrztu do chrystianizacji...* S. 116.

⁸⁹ Каралюнас С. Древний литовский пантеон и его сравнительно-исторический контекст // Балто-славянские исследования. Вып. XVIII. М., 2009. С. 448–485.

⁹⁰ Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 289–314; Vėlius N. *Senovės lietuvių religija ir mitologija. Krikščionybė ir jos socialinis vaidmuo Lietuvoje*. Vilnius, 1986, s. 12–20; Greimas A. J. *Tautos atminties beieškant*. Vilnius, Chicago, 1990, s. 357; Beresnevičius G. *Dausos: Pomirtinio gyvenimo samprata senojoje lietuvių pasaulėžiūroje*. Klaipėda, 1990, s. 72–84; Beresnevičius G. *Sovijaus mitas kaip senosios baltiškos kultūros šifras. Ikikrikščioniškos Lietuvos kultūra: Istoriniai ir teoriniai aspektai*. Vilnius, 1992, s. 88–107.

⁹¹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Совий // Мифы народов мира. Т. II. М., 1987. С. 457–458. Стоит отметить, что в последнее время корни этого мифа стараются найти на Востоке: Вилкул Т. Создание Совия: работа составителя Иудейского хронографа (XIII в.) // *Istorijos Šaltinių Tyrimai*. 2010. Т. 2. S. 13–27; Темчин С. И. О возможном восточном происхождении мифа о Совии, изложенного в Иудейском хронографе 1262 года // *Senoji Lietuvos Literatūra*. Т. 24. Vilnius, 2010. S. 19–30.

эту статью: может ли существовать государство без мировой религии? В случае с ВКЛ, когда речь идёт об эпохе XIII–XV вв., полагаю, что ответ должен быть однозначным: не может. Как могло существовать языческое государство, окруженное со всех сторон христианскими, пусть ещё молодыми, архаическими, но государствами с религиозно-монотеистической основой?! И действительно, если мы наложим тот материал, который был изложен выше, на канву литовско-русского политогенеза, то увидим, что всё происходит в то время, когда государственности у литвы ещё просто не было. Вернее, шёл процесс трансформации «...конгломерата земель и владений, объединённых только подчинением верховной власти великого князя...»⁹² в архаическое государство переходного типа — военно-служилое государство. Как мы видели, вопрос о христианстве резко встал в то время и в той ситуации, когда военно-служилое государство, в свою очередь, стало переплавляться в сословное⁹³.

Такова ситуация с ВКЛ. Но я полагаю, что государства ещё не успели сформироваться в X–XI вв. и в Центральной и Восточной Европе. Одна из проблем, к которой мы с К. А. относимся несколько по-разному, — это проблема раннего государства. Интересно, что он охотно признаёт отсутствие государства у ранней литвы, «слабый уровень государственного развития Литвы в XIII–XIV вв.», но не готов увидеть то же самое у восточных славян⁹⁴. Все аргументы К. А. вызывают у меня сомнения. Я давно уже сражаюсь с мифическим «государством Киевская Русь»⁹⁵. Все атрибуты государства, которые обнаруживает К. А., вполне вписываются в тот этап человеческой истории, который в последние десятилетия в науке обозначают понятием «вождество»⁹⁶.

Стоит ли придавать такое значение термину «самодержец», который употребил летописец? То, что древнерусские варварские правители подражали Византии, ещё

⁹² Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. (Впервые издано в 1910 г.). С. 67.

⁹³ Дворниченко А. Ю. Российская история... С. 250–252.

⁹⁴ Костромин К. А. К вопросу о сравнении крещения... С. 12–13. В то же время достаточно спорным выглядит его тезис о ВКЛ: «до крещения и до появления письменности Литва не может считаться ничем иным, кроме как союзом племен». В частности, о какой письменности идет речь — о литовской? Но ведь она появилась лишь в XVI в., да и тогда не получила широкого распространения (Dubonis A. Lietuvių kalba Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje nuo XIV a. pabaigos iki pirmosios knygos (1547): vartojimo politika ar politinis vartojimas? *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos kraštovaizdis: Mokslinių straipsnių rinkinys*. Vilnius, 2012, s. 35–59). Литовский язык, как известно, вообще, отступал на фоне широкого хождения в ВКЛ древнерусского и латыни. К тому же само появление письменности не может быть маркером государственности. На Руси, например, письменность появляется в тот период, когда распадался союз союзов племен, а его главное звено — вождество — преобразовывалось в полисную систему. Это стимулировало развитие письменности как орудия межобщинных отношений (Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Фроянов И. Я. О социальных основах развития письменности и грамотности в Древней Руси // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 273–279.

⁹⁵ См., например: Дворниченко А. Ю. «А существовало ли государство Киевская Русь?» // Родина. 2012. № 9. С. 79–82; Его же. «Государство Киевская Русь» как историографический феномен // Ранние формы политических систем. СПб., 2012. С. 235–278 и др. К. А. с сомнением принимает идею о «полисной системе» на Руси, делая упор на отличия нашего ландшафта от греческого. Но наши природные условия также вполне годятся для полисной системы (см.: Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Географический фактор в социально-политическом развитии Древней Руси // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 67–68).

⁹⁶ Дворниченко А. Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica antiqua* 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006. С. 184–195.

не значит, что под словами, которые употребляли древнерусские летописцы, надо видеть аналогичные явления. «Самодержец» в Киевской Руси, когда никто ещё не мог предвидеть даже подобия деспотии эпохи Руси Московской, означало лишь правление одного князя⁹⁷. Какие, собственно, институты были в Киевской Руси? Главным была архаическая (догосударственная) структура, которая определяется дихотомией «вече — князь». А взять, например, право. В содержательной книге Даниэля Кайзера⁹⁸ (которая, на мой взгляд, столь интересна, что я перевёл её на русский язык) убедительно показано, что в домонгольский период на Руси в праве господствовали горизонтальные (по сути, межобщинные) отношения, что также, на мой взгляд, не позволяет говорить о становлении государства.

К. А. отмечает, что «полисная система» Руси развивалась не в системе античных полисных отношений, а в средневековом феодальном окружении⁹⁹. Что там окружало Киевскую Русь — в этом ещё надо разбираться и разбираться. Во всяком случае, если верить «позднему» А. Я. Гуревичу, то в Скандинавии никакого феодализма не было, а имела место «крестьянская цивилизация»¹⁰⁰. Славянские земли (южных и западных славян) были, по-моему мнению, близки к древнерусской «модели». Во всяком случае, видеть там феодализм и государственность стадии расцвета¹⁰¹ вряд ли правомерно. Но дело, собственно, и не в этом. Как показали наши эволюционисты, полисная организация как переходная догосударственная форма может возникать в разных условиях, если эти условия тому соответствуют¹⁰².

В статье К. А. сказано: «Степень развитости государства находится в некоторой зависимости от особенностей функционирования религиозных институтов»¹⁰³. Эту интересную и тонкую мысль я позволил бы себе, так сказать, перевернуть: характер, степень и т. д. функционирования христианской религии находится в прямой зависимости от степени развития государства. Во всяком случае, степень её воздействия на общество. Это очень удобно проиллюстрировать на примере развития права на Руси, сначала Киевской, а потом Московской. Мою задачу может облегчить вышеупомянутая книга Д. Кайзера. Он хорошо показал, что весь период Киевской Руси священнослужители — «солдаты Церкви», как он их называет, несмотря на поддержку княжеской власти, с переменным успехом сражались с язычеством в области того, что историк называет «ростом права». Их вклад, несмотря на то, что на Руси не было ни университетов, ни таких церковных юристов, как П. Кантор¹⁰⁴, был огромен.

Речь идёт об изживании древних, языческих в своей основе, форм правовой деятельности, о введении понятия свидетельствования, письменных документов и прочего, что отличает архаическое право от нового. Однако вклад духовенства стал заметен только в Московской Руси, в XV–XVI вв.¹⁰⁵ Отсюда и другой вывод Кайзера: Церковь внесла свой большой вклад, но не смогла стать движущей силой этих изменений. Возникает вопрос: а почему же всё-таки эти изменения в праве происходили?

⁹⁷ Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. С. 1001.

⁹⁸ Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, 1980.

⁹⁹ Костромин К. А. К вопросу о сравнении крещения... С. 16.

¹⁰⁰ Гуревич А. Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. 2006: Феодализм перед лицом историков. М., 2006. С. 11–49.

¹⁰¹ Ср.: Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

¹⁰² См. работы Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева и др.

¹⁰³ Костромин К. А. К вопросу о сравнении крещения... С. 17.

¹⁰⁴ Петрус Кантор (ум. в 1197 г.) — знаменитый французский католический богослов и ученый-юрист.

¹⁰⁵ Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*, p. 165–174.

Рассуждения американского ученого об общественных сдвигах, об «обществе в транзите» я могу дополнить более категорическим суждением: в Северо-Восточной Руси к концу XV в. наконец-то сформировалось пусть ещё архаическое, но государство. Кстати, Церковь, «с её единым вероучением, богослужебной практикой и иерархией была мощным фактором единения русского народа»¹⁰⁶ и — добавим — строительства государства. Христианство, уж во всяком случае, православие, — истинно государственная религия и проявляет себя так и в России. Влияние её на русское общество значительно возрастает: возникает феномен «Святой Руси», о котором так ярко писали независимые от атеистической советской идеологии эмигрантские историки¹⁰⁷. В Киевской Руси такую выдающуюся роль ни христианство, ни Церковь ещё играть не могли¹⁰⁸.

Гораздо сложнее оказалась ситуация в проходившем становление государстве ВКЛ. Тот путь — путь церковной унии, — который в какой-то момент казался панацеей, оказался негодным, а во многом даже вредным. Сформировавшаяся государственная власть старалась решить проблему, декларативно уравнивая в правах католиков и православных. Успех достигался, но на время, а потом накапливались противоречия. Власть и авторитет духовенства в обществе оказывались непрочными¹⁰⁹. Всё это внесло свой вклад в процессы развития/упадка этой государственности и во многом определило известную ситуацию: ныне Россия едина, а наследниками ВКЛ являются три самостоятельных государства.

Источники и литература

Источники

1. Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. VII.
2. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: перевод и комментарии / Под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
3. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998.
4. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.
5. ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. М.: Языки славянских культур, 2008.
6. ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
7. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1880. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права.
8. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. М.; Л., 1948.
9. *Annales Quedlinburgenses*. Ed. G. H. Pertz. *Monumenta Germaniae Historica*, Scriptorum. 1839. Т. III, p. 22–90.
10. *Historia Russiae Monumenta*. Ed. A. I. Turgenev. Т. 1. Petropoli, 1841.
11. *Jana Długosza Roczniki czyli chroniki Sławnego krolewstwa Polskiego*, Ks. 7, 8. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009.

¹⁰⁶ Борисов Н. С. История России. Краткий курс: учебное пособие. М., 2023. С. 51.

¹⁰⁷ Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М., 2012. С. 103–112.

¹⁰⁸ Dvornichenko A. Yu. The place of the Kievan Rus in history. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, No 4, p. 5–16.

¹⁰⁹ Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003. С. 40.

Литература

12. Баранаускас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // *Castrum, urbis et bellum: 36. наук. прац. Баранавічы: Баранавіцкая ўзбудыненая друкарня*, 2002. С. 29–44.
13. Борисов Н. С. История России. Краткий курс: учебное пособие. М.: Проспект, 2023.
14. Валеров А. В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб.: Алетея, 2004.
15. Вилкул Т. Л. Галицько-Волинський літопис про постриження литовського князя Войшелка // *Український історический журнал*. 2007. № 4. С. 26–37.
16. Вилкул Т. Создание Свия: работа составителя Иудейского хронографа (XIII в.) // *Istorijos Šaltinių Tyrimai*. 2010. Т. 2. С. 13–27.
17. Войтович Л. В. Лев Данилович князь галицько-волинський (бл. 1225 — бл. 1301). Львів, 2014.
18. Волощук М. Галицькі князі та знать у відносинах із Литвою XII–XIV ст. // *Український історичний журнал*. № 4 (541). С. 4–19.
19. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: в 2-х тт. М.; Харьков, 1913–1916.
20. Голубев О. Е. Константинопольский патриарх Филофей Коккин и «языческий вызов Литвы» // *Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)*. М.: Квадрига, 2015. С. 67–83.
21. Греков Б. Д. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
22. Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И. Д. Сытина, Baltus, 2005.
23. Гуревич А. Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // *Одиссей. Человек в истории*. 2006: Феодализм перед лицом историков. М., 2006. С. 11–49.
24. Дворниченко А. Ю. «А существовало ли государство Киевская Русь?» // *Родина*. 2012. № 9. С. 79–82.
25. Дворниченко А. Ю. «Государство Киевская Русь» как историографический феномен // *Ранние формы политических систем*. СПб., 2012. С. 235–278.
26. Дворниченко А. Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3: Мат-лы научн. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации» (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.)*. СПб., 2015. С. 76–84.
27. Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Географический фактор в социально-политическом развитии Древней Руси // *Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений*. М., 1991. С. 67–68.
28. Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Фроянов И. Я. О социальных основах развития письменности и грамотности в Древней Руси // *Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина*. М., 1990. С. 273–279.
29. Дворниченко А. Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica antiqua 2006. Исследования и материалы*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 184–195.
30. Дворниченко А. Ю. О «диархии» в древней Литве // *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 180–185.
31. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь Мир, 2010.

32. Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993.
33. Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
34. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские мифы // Мифы народов мира. Т. II. М.: Наука, 1987. С. 457–458.
35. Иванов С. А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 9–34.
36. Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003.
37. Каралюнас С. Древний литовский пантеон и его сравнительно-исторический контекст // Балто-славянские исследования. Вып. XVIII. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 448–485.
38. Кибинь А. С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2014.
39. Концевский В. Я. О роли христианства в эволюции погребального обряда населения Новгородской земли в эпоху средневековья (по данным археологии) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 76–77.
40. Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 16. Л., 1960. С. 84–104.
41. Костромин К. А., *прот.* К вопросу о сравнении крещения Литвы и Руси // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 11–28.
42. Котляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб.: Алетейя; Киев: Птах, 2008.
43. Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск: Беларуская навука, 1998.
44. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
45. Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб.: Академический проект, 2003.
46. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004.
47. Макарий (Булгаков), *митр.* История Русской Церкви. СПб., 1879. Т. IX.
48. Мейендорф И., *прот.* Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.
49. Огицкий Д. П. К истории виленских мучеников // Богословские труды. Вып. 25. М., 1984. С. 226–246.
50. Папуто В. Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
51. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988.
52. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М., Л.: Наука, 1959.
53. Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб.: Наука, 1997.
54. Седов В. В. Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» (погребальный обряд) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов к предстоящей научной конференции: «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 1988. С. 48–50.
55. Темчин С. И. О возможном восточном происхождении мифа о Славии, изложенного в Иудейском хронографе 1262 года // *Senoji Lietuvos Literatūra*. Т. 24. Vilnius, 2010. S. 19–30.

56. Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 289–314.
57. Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе Европы. М.: Вече, 2019.
58. Флоря Б. Н. Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. М.: Наука, 1999. С. 40–81.
59. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
60. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
61. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015.
62. Фроянов И. Я. Об историческом значении «крещения Руси» // Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 763–788.
63. Хоруженко О. И. О вероисповедании литовского великого князя Ольгерда // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 1 (13). С. 11–29.
64. Хрусталёв Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 2. СПб.: Евразия, 2009.
65. Рах Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / авт.-сост. Е. А. Бондарева. М.: Вече, 2012.
66. Abraham W. Polska a chrest Litwy. *Polska i Litwa w dziejowym stosunku*. Kraków, 1914, s. 3–36.
67. Baranauskas D. *Lietuvos valstybes ištakos* [Происхождение литовского государства]. Vilnius, Vaga, 2000, s. 136–141.
68. Baronas D., Rowell S. C. *The Conversion of Lithuania from Pagan Barbarians to Late Medieval Christians*. Vilnius, Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 2015.
69. Berend N. Introduction. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Cambridge University Press, 2007, p. 1–46.
70. Beresnevičius G. *Dausos: Pomirtinio gyvenimo samprata senojoje lietuvių pasaulėžiūroje*. Klaipėda, 1990.
71. Beresnevičius G. Sovijaus mitas kaip senosios baltiškos kultūros šifras. *Ikikrikščioniškos Lietuvos kultūra: Istoriniai ir teoriniai aspektai*. Vilnius, 1992, s. 88–107.
72. Dubonis A. Lietuvių kalba Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje nuo XIV a. pabaigos iki pirmosios knygos (1547): vartojimo politika ar politinis vartojimas? *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos kraštovaizdis*. Mokslinių straipsnių rinkinys skiriama profesorės Jūratės Kiaupienės 65-mečiui, ed. R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius, 2012, p. 35–59.
73. Dvornichenko A. Yu. The place of the Kievan Rus in history. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, No 4, p. 5–17.
74. Froianov I. Ya., Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions. *Russian Traditional Culture. Religion, Gender and Customary Law*, ed. by M. V. Balzer. New York, M. E. Charpe, 1992, p. 3–16.
75. Gąsowski J. Religie pogańskich słowian i jej przeżytki we wczesnym chrześcijaństwie. *Archeologia Polski*, 1971, t. 16, s. 135–157.
76. Greimas A. J. *Tautos atminties beiėskant*. Vilnius, Chicago, 1990.
77. Gudavičius E. Brunonas Kverfurties ir Lietuva. *1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija*. Vilnius, 2006, s. 47–58.
78. Gudavičius E. *Mindaugas*. Vilnius, 1998.
79. Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton University Press, 1980.

80. Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. *Lietuvos istorija iki 1795 metų*. Vilnius, 1998.
81. Kirkpatrick P. G. *The Old Testament and folklore study*. Sheffield Academic Press, 1988.
82. Kosman M. *Drogi zaniku pogaństwa u Baltów*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1976.
83. Kosman M. *Od chrztu do chrystianizacji. Polska — Ruś — Litwa*. Warszawa, Książka i Wiedza, 1992.
84. Kosman M. Najnowszy obraz chrystianizacji Litwy: widziane znad Wilii. *Nasza Przeszłość*, 2015, t. 124, s. 245–264.
85. Kwiatkowski St. *Powstanie i kształtowanie się chrześcijańskiej mentalności religijnej w Polsce do końca XIII w.* Warszawa, 1980.
86. Narbutt T. *Dzieje starożytne narodu litewskiego*, t. I: Mitologia litewska. Wilno, 1835.
87. Paszkiewicz H. *The Origin of Russia*. New York, Philosophical Library, 1954.
88. Shepard J. Rus'. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Ed. by N. Berend. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, p. 369–416.
89. Szweđa A. Problem biskupa litewskiego Wita. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, 2002, Nr. 3, s. 327–339.
90. Třeštík D. Křest českých knížat roku 845 a christianiyace Slovanů. *Český časopis historický*, 1994, R. 92, Č. 3, s. 423–459.
91. Urbanczyk P., Rosik S. The kingdom of Poland, with an Appendix on Polabia and Pomerania between paganism and Christianity. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Ed. by N. Berend. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, p. 263–318.
92. Vėlius N. Senovės lietuvių religija ir mitologija. *Krikščionybė ir jos socialinis vaidmuo Lietuvoje*. Vilnius, 1986, s. 9–42.
93. Wojtecki D. *Studien zur Personengeschichte des Deutschen Ordens im 13. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1971.

Sources and References

Sources

1. *Arhiv Južno-Zapadnoj Rossii [Archive of South-Western Russia]*, p. 1, vol. VII. Kyiv, 1887. (In Russian)
2. «Velikaja hronika» o Pol'she, Rusi i ih sosedjah 11–13 vv.: perevod i kommentarii [“Great chronicle” of Poland, Russia and their neighbors 11th–13th centuries: translation and commentary]. Ed. by V. L. Janina. Moscow State University Press, 1987. (In Russian)
3. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 2: Ipatiev Chronicle. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998. (In Old-Russian)
4. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 3: Novgorod First Chronicle of the Older and Younger Editions. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000. (In Old-Russian)
5. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 17: West-Russian Chronicles. Moscow, Jazyki slavjanskich kul'tur Publ., 2008. (In Old-Russian)
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 40: Gustinskaya Chronicle. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003. (In Old-Russian)
7. *Russkaja istoričeskaja biblioteka, izdavaemaja Arheograficheskoi komissiej [Russian Historical Library, published by the Archaeological Commission]*, vol. 6: Monuments of ancient Russian canonical law. St. Petersburg, 1880. (In Old-Russian)

8. Cherepnin L.V. *Russkie feodal'nye arhivy 14–15 vv.* [Russian feudal archives of the 14th–15th centuries], vol. 1. Moscow, Leningrad, 1948. (In Old-Russian)
9. Annales Quedlinburgenses. Ed. G. H. Pertz. *Monumenta Germaniae Historica*, Scriptorum. 1839. T. III, p. 22–90. (In Latin)
10. *Historia Russiae Monumenta*. Ed. A. I. Turgenev. T. 1. Petropoli, 1841. (In Old-Russian)
11. *Jana Długosza Roczniki czyli chroniki Slawnego krolewstwa Polskiego* [Jan Długosz Annals or Chronicles of the Famous Kingdom of Poland], Ks. 7, 8. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN Publ., 2009. (In Polish)

References

12. Baranauskas T. Novogrudok v 13 v.: istorija i mif [Novogrudok in the 13 century: history and myth]. *Castrum, urbis et bellum*. Baranavichy: Baranavitskaya uzbunenaya drukarnya Publ., 2002, p. 29–44. (In Russian)
13. Borisov N. S. *Istorija Rossii* [History of Russia]. Short course: textbook. Moscow, Prospekt Publ., 2023. (In Russian)
14. Valerov A. V. *Novgorod i Pskov. Oчерki politicheskoy istorii Severo-Zapadnoj Rusi 11–14 vekov* [Novgorod and Pskov. Essays on the political history of North-West Russia of the 11–14 centuries]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2004. (In Russian)
15. Vilkul T. L. Galic'ko-Volins'kij litopis pro postrizhennja litovs'kogo knjazja Vojshelka [Halysia-Volyn chronicle about the haircut of the Lithuanian prince Voishelk]. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal = Ukrainian historical journal*, 2007, No 4, p. 26–37. (In Ukrainian)
16. Vilkul T. Sozdanie Sovija: rabota sostavitelja Iudejskogo hronografa (13 v.) [The creation of the Owl: the work of the compiler of the Jewish chronograph (13 century)]. *Istorijos Šaltinių Tyrimai*, 2010, vol. 2, p. 13–27. (In Russian)
17. Voitovich L. V. *Lev Danilovich, knjaz' galic'ko-volins'kij* [Lev Danilovich, prince of Galitsk-Volinsk] (1225–1301). Lviv, 2014. (In Ukrainian)
18. Voloschuk M. Galic'ki knjazi ta znat' u vidnosinah iz Litvoju 13–14 st. [Galician princes and nobles in relations with Lithuania in the 13th–14th centuries]. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal = Ukrainian Historical Journal*, 2018, No 4 (541), p. 4–19. (In Ukrainian)
19. Galkovsky N. M. *Bor'ba hristianstva s ostatkami jazychestva v drevnej Rusi* [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in ancient Russia]: in 2 vol. Moscow, Kharkov, 1913–1916. (In Russian)
20. Golubev O. E. Konstantinopol'skij patriarh Filofej Kokkin i “jazycheskij vyzov Litvy” [Patriarch of Constantinople Filofey Kokkin and the “pagan challenge of Lithuania”]. *Alba Ruscia: belorusskie zemli na perekrestke kul'tur i civilizacij* [Belarusian lands at the crossroads of cultures and civilizations] (10th–16th centuries). Moscow, Quadriga Publ., 2015, p. 67–83. (In Russian)
21. Grekov B. D. *Vostochnaja Evropa i upadok Zolotoj Ordy (na rubezhe 14–15 vv.)* [Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (at the turn of the 14th–15th centuries)]. Moscow, 1975. (In Russian)
22. Gudavičius E. *Istorija Litvy s drevnejshih vremen do 1569 goda* [History of Lithuania from ancient times to 1569]. Moscow, Fond imeni I. D. Sytina Publ., Baltrus Publ., 2005. (In Russian)
23. Gurevich A. Ya. Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoj krest'janskoj civilizacii [Feudalism on the historian court, or about the medieval peasant civilization]. *Odyssey. Chelovek v istorii* [Man in history], 2006: Feudalism for the face of historians. Moscow, 2006, p. 11–49. (In Russian)
24. Dvornichenko A. Yu. “A sushhestvovalo li gosudarstvo Kievskaja Rus'?” [“Did the state of Kievan Rus exist?”]. *Rodina*, 2012, No. 9, p. 79–82. (In Russian)

25. Dvornichenko A. Yu. "Gosudarstvo Kievskaja Rus'" kak istoriograficheskij fenomen ["The State of Kievan Rus" as a historiographic phenomenon]. *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early forms of political systems]. St. Petersburg, 2012, p. 235–278. (In Russian)
26. Dvornichenko A. Yu. Kreshhenie Rusi i Litvy v kontekste potestarnogo obshchestva [Baptism of Rus' and Lithuania in the context of potestary society]. *Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah = Ancient Rus': in time, in personalities, in ideas*. Almanac. No 3. St. Petersburg, 2015, p. 76–84. (In Russian)
27. Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. Geograficheskij faktor v social'no-politicheskom razvitii Drevnej Rusi [Geographical factor in the socio-political development of Ancient Rus']. *Realizm istoricheskogo myshlenija. Problemy otechestvennoj istorii perioda feodalizma* [Realism of historical thinking. Problems of Russian history of the period of feudalism]. Readings dedicated to the memory of A. L. Stanislavsky. Moscow, 1991, p. 67–68. (In Russian)
28. Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V., Froyanov I. Ya. O social'nyh osnovah razvitija pis'mennosti i gramotnosti v Drevnej Rusi [On the social foundations of the development of writing and literacy in Ancient Rus']. *Spornye voprosy otechestvennoj istorii 11–18 vv.* [Controversial issues of Russian history of the 11th–18th centuries]. Materials of the First Readings dedicated to the memory of A. A. Zimin. Moscow, 1990, p. 273–279. (In Russian)
29. Dvornichenko A. Yu. O vostochnoslavjanskom politogeneze v 6–10 vv. [On East Slavic politogenesis in the 6th–10th centuries]. *Rossica antiqua 2006*. Research and materials. St. Petersburg State University Press, 2006, p. 184–195. (In Russian)
30. Dvornichenko A. Yu. O "diarhii" v drevnej Litve [On the "Diarchy" in Ancient Lithuania]. *Arheologija, istorija, numizmatika, jetnografija Vostochnoj Evropy* [Archaeology, History, Numismatics, Ethnography of Eastern Europe]. Collection in Memory of Professor I. V. Dubov. St. Petersburg State University Press, 2004, p. 180–185. (In Russian)
31. Dvornichenko A. Yu. *Rossijskaja istorija s drevnejshih vremen do padenija samodержavija* [Russian History from Ancient Times to the Fall of the Autocracy]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010. (In Russian)
32. Dvornichenko A. Yu. *Russkie zemli Velikogo knjazhestva Litovskogo (do nachala 16 v.). Ocherki istorii obshhiny, soslovij, gosudarstvennosti* [Russian Lands of the Grand Duchy of Lithuania (before the Beginning of the 16th Century). Essays on the History of the Community, Estates, and Statehood]. St. Petersburg State University Press, 1993. (In Russian)
33. Dmitriev M. V. *Mezhdru Rimom i Car'gradom: genezis Brestskoj cerkovnoj unii 1595–1596 gg.* [Between Rome and Constantinople: the genesis of the Brest Church Union of 1595–1596]. Moscow State University Press, 2003. (In Russian)
34. Ivanov V. S., Toporov V. N. *Soviy. Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1987, p. 457–458. (In Russian)
35. Ivanov S. A. Vizantijskaja religioznaja missija 8–11 vv. s tochki zrenija vizantijcev [Byzantine religious mission of the 8th–11th centuries from the point of view of the Byzantines]. *Hristianstvo v stranah Vostochnoj, Jugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy na poroge vtorogo tysjacheletija* [Christianity in the countries of Eastern, South-Eastern and Central Europe on the threshold of the second millennium]. Moscow, Jazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002, p. 9–34. (In Russian)
36. Ivanov S. A. *Vizantijskoe missionerstvo. Možno li sdelat' iz "varvara" hristianina?* [Byzantine missionary work. Is it possible to make a Christian out of a "barbarian"?]. Moscow, Jazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. (In Russian)
37. Karaliunas S. Drevnij litovskij panteon i ego sravnitel'no-istoricheskij kontekst [Ancient Lithuanian pantheon and its comparative-historical context]. *Balto-slavyanskije issledovanija* [Balto-Slavic studies], issue XVIII. Moscow, Jazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2009, p. 448–485. (In Russian)
38. Kibin' A. S. *Ot Jatvyazi do Litvy: Russkoe pogranich'e s jatvjagami i litvoj v 10–13 vekah* [From Yatvyaz to Lithuania: Russian borderland with the Yatvingians and Lithuanians in the 10th–13th centuries]. Moscow, Kvadriga Publ., 2014. (In Russian)

39. Konetsky V. Ya. O roli hristianstva v jevoljucii pogrebal'nogo obrjada naselenija Novgorodskoj zemli v jepohu srednevekov'ja (po dannym arheologii) [On the Role of Christianity in the Evolution of the Funeral Rite of the Population of the Novgorod Land in the Middle Ages (Based on Archaeological Data)]. *Novgorod i Novgorodskaja zemlja. Istorija i arheologija* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archaeology], issue 3. Novgorod, 1990, p. 76–77. (In Russian)
40. Komarovich V. L. Kul't roda i zemli v knjazheskoj srede 11–13 vv. [The Cult of the Clan and the Land in the Princely Environment of the 11th–13th Centuries]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, vol. 16. Leningrad, 1960, p. 84–104. (In Russian)
41. Kostromin K. A. K voprosu o sravnenii kreshhenija Litvy i Rusi [On the Comparison of the Baptism of Lithuania and Rus]. *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii = Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 2016, No 2 (14), p. 11–28. (In Russian)
42. Kotlyar N. F. Daniil, knjaz' Galickij: dokumental'noe povestvovanie [Daniil, Prince of Galicia: Documentary Narrative]. St. Petersburg, Aletea Publ.; Kyiv, Ptakh Publ., 2008. (In Russian)
43. Krautsevich A. K. Stvarjenje Vjalikaga Knjastva Litoyskaga [Construction of the Great Lithuanian Principality]. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 1998. (In Belarussian)
44. Likhachev D. S. Nacional'noe samosoznanie Drevnej Rusi. Oчерki iz oblasti russkoj literatury 11–17 vv. [National Self-Consciousness of Ancient Rus. Essays on Russian Literature of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1945. (In Russian)
45. Lovmyansky G. Religija slavian i ee upadok (6–12 vv.) [Religion of the Slavs and Its Decline (6th–12th Centuries)]. St. Petersburg, Academic Project Publ., 2003. (In Russian)
46. Lyubavsky M. K. Oчерk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Ljublinskoj unii vključitel'no [Essay on the History of the Lithuanian-Russian State up to and including the Union of Lublin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. (In Russian)
47. Makarij (Bulgakov), Metropolitan. Istorija Russkoj Cerkvi [History of the Russian Church], vol. 9. St. Petersburg, 1879. (In Russian)
48. Meyendorff I. Vizantija i Moskovskaja Rus': oчерk po istorii cerkovnyh i kul'turnyh svjazej v 14 veke [Byzantium and Muscovite Rus: An Essay on the History of Church and Cultural Ties in the 14th Century]. Paris, 1990. (In Russian)
49. Ogitsky D. P. K istorii vilenskikh muchenikov [On the History of the Vilnius Martyrs]. *Bogoslovskie trudy = Theological Works*, issue 25. Moscow, 1984, p. 226–246. (In Russian)
50. Pashuto V. T. Obrazovanie Litovskogo gosudarstva [Formation of the Lithuanian State]. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1959. (In Russian)
51. Prinjatие hristianstva narodami Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy i kreshhenie Rusi [Adoption of Christianity by the Peoples of Central and South-Eastern Europe and the Baptism of Rus], ed. by G. G. Litavrin. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian)
52. Ramm B. Ya. Papstvo i Rus' v 10–15 vekah [The Papacy and Rus in the 10th–15th Centuries]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1959. (In Russian)
53. Sverdlov M. B. Stanovlenie feodalizma v slavjanskikh stranah [Formation of feudalism in the Slavic countries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. (In Russian)
54. Sedov V. V. Vostochnoslavjanskoe jazychestvo nakanune «kreshhenija Rusi» (pogrebal'nyj obrjad) [East Slavic paganism on the eve of the “baptism of Rus” (funeral rite)]. *Arheologija i istorija Pskova i Pskovskoj zemli* [Archeology and history of Pskov and the Pskov land]. Materials of conference. Pskov, 1988, p. 48–50. (In Russian)
55. Temchin S. I. O vozmozhnom vostochnom proishozhdenii mifa o Sovii, izlozhenного v Iudejskom hronografe 1262 goda [On the possible eastern origin of the myth of Sovia, set out in the Jewish chronograph of 1262]. *Senoji Lietuvos Literatūra*, vol. 24. Vilnius, 2010, p. 19–30. (In Russian)
56. Toporov V. N. Zametki po baltijskoj mifologii [Notes on Baltic Mythology]. *Balto-slavjanskij sbornik* [Balto-Slavic Collection]. Moscow, 1972, p. 289–314. (In Russian)

57. Uspensky F. I. *Pervye slavyanskije monarhii na severo-zapade Evropy* [The First Slavic Monarchies in the North-West of Europe]. Moscow, Veche Publ., 2019. (In Russian)
58. Florya B. N. Popytka osushhestvlenija cerkovnoj unii v Velikom knjazhestve Litovskom v poslednej chetverti 15 — nachale 16 veka [An Attempt to Implement a Church Union in the Grand Duchy of Lithuania in the Last Quarter of the 15th — Early 16th Century]. *Slavjane i ih sosedi* [Slavs and Their Neighbors], issue 7. Interfaith Relations in the Countries of Central, Eastern, and South-Eastern Europe in the 15th–17th Centuries. Moscow, Nauka Publ., 1999, p. 40–81. (In Russian)
59. Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu. *Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi* [Cities-states of Ancient Rus]. Leningrad State University Press, 1988. (In Russian)
60. Froyanov I. Ya. *Kievskaja Rus'. Oчерki social'no-politicheskoj istorii* [Kievan Rus. Essays on Socio-Political History]. Leningrad State University Press, 1980. (In Russian)
61. Froyanov I. Ya. *Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus'* [Lectures on Russian History. Kievan Rus]. St. Petersburg, Russkaja kollekcija Publ., 2015. (In Russian)
62. Froyanov I. Ya. Ob istoricheskom znachenii "kreshhenija Rusi" [On the Historical Significance of the "Baptism of Rus"]. In: Froyanov I. Ya. *Nachala russkoj istorii. Izbrannoe* [Beginnings of Russian History. Selected]. Moscow, 2001, p. 763–788. (In Russian)
63. Khoruzhenko O. I. O veroispovedanii litovskogo velikogo knjazja Ol'gerda [On the Religion of the Lithuanian Grand Duke Olgerd]. *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii = Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 2016, No 1 (13), p. 11–29. (In Russian)
64. Khrustalev D. G. *Severnye krestonoscы. Rus' v bor'be za sfery vlijaniya v Vostochnoj Pribaltike 12–13 vv.* [Northern Crusaders. Rus' in the Struggle for Spheres of Influence in the Eastern Baltic in the 12th–13th Centuries], vol. 2. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2009. (In Russian)
65. *Pax Rossica. Russkaja gosudarstvennost' v trudah istorikov zarubezh'ja* [Russian Statehood in the Works of Historians Abroad], Ed. by E. A. Bondareva. Moscow, Veche Publ., 2012. (In Russian)
66. Abraham W. *Polska a chrest Litwy* [Poland and the Christ of Lithuania]. *Polska i Litwa w dziejowym stosunku* [Poland and Lithuania in their historical relationship]. Krakow, 1914, p. 3–36. (In Polish)
67. Baranauskas D. *Lietuvos valstybes ištakos* [The origins of the Lithuanian state]. Vilnius, Vaga Publ., 2000, p. 136–141. (In Lithuanian)
68. Baronas D., Rowell S. C. *The Conversion of Lithuania from Pagan Barbarians to Late Medieval Christians*. Vilnius, Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 2015. (In English)
69. Berend N. Introduction. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Ed. by N. Berend. Cambridge University Press, 2007, p. 1–46. (In English)
70. Beresnevičius G. *Dausos: Pomirtinio gyvenimo samprata senojoje lietuvių pasaulėžiūroje* [Dausos: The concept of the afterlife in the old Lithuanian worldview]. Klaipėda, 1990. (In Lithuanian)
71. Beresnevičius G. Sovijaus mitas kaip senosios baltiškos kultūros šifras [The Soviet myth as a cipher of the old Baltic culture]. *Ikikrikščioniškos Lietuvos kultūra: Istoriniai ir teoriniai aspektai* [The culture of pre-Christian Lithuania: Historical and theoretical aspects]. Vilnius, 1992, p. 88–107. (In Lithuanian)
72. Dubonis A. Lietuvių kalba Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje nuo XIV a. pabaigos iki pirmosios knygos (1547): vartojimo politika ar politinis vartojimas? [Lithuanian language in the Grand Duchy of Lithuania since the 14th century. End to Book One (1547): Politics of Consumption or Political Consumption?]. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos kraštovaizdis: Mokslinių straipsnių rinkinys* [Historical landscape of the Grand Duchy of Lithuania]. Collection of scientific articles Dedicated to the 65th Anniversary of Professor Jūratė Kiaupienė, ed. by R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius, 2012, p. 35–59. (In Lithuanian)
73. Dvornichenko A. Yu. The place of the Kievan Rus in history. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, No 4, p. 5–17. (In English)

74. Froianov I. Ya., Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions. *Russian Traditional Culture. Religion, Gender and Customary Law*, ed. by M. V. Balzer. New York, M. E. Charpe, 1992, p. 3–16. (In English)
75. Gąssowski J. Religie pogańskich słowian i jej przeżytki we wczesnym chrześcijaństwie [Pagan Slavic Religions and Their Survivals in Early Christianity]. *Archeologia Polski = Archaeology of Poland*, 1971, vol. 16, p. 135–157. (In Polish)
76. Greimas A. J. *Tautos atminties paieška [In search of national memory]*. Vilnius, Chicago, 1990. (In Lithuanian)
77. Gudavičius E. Brunonas Kverfurties ir Lietuva [Brunos Kverfurtietis and Lithuania]. *1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija [Year 1009: St. Mission of Brunos of Kverfurtia]*. Vilnius, 2006, p. 47–58. (In Lithuanian)
78. Gudavičius E. *Mindaugas*. Vilnius, 1998. (In Lithuanian)
79. Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton University Press, 1980. (In English)
80. Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. *Lietuvos istorija iki 1795 metų [History of Lithuania until 1795]*. Vilnius, 1998. (In Lithuanian)
81. Kirkpatrick P. G. *The Old Testament and folklore study*. Sheffield Academic Press, 1988. (In English)
82. Kosman M. *Drogi zaniku pogaństwa u Bałtów [Paths of the decline of paganism among the Balts]*. Wrocław, Warsaw, Krakow, Gdansk, 1976. (In Polish)
83. Kosman M. *Od chrztu do chrystianizacji. Polska — Ruś — Litwa [From Baptism to Christianization: Poland — Ruthenia — Lithuania]*. Warsaw, Książka i Wiedza Publ., 1992. (In Polish)
84. Kosman M. Najnowszy obraz chrystianizacji Litwy: widziane znad Wilii [The Latest Image of the Christianization of Lithuania: Seen from the Vilia River.] *Nasza Przyszłość = Our Past*, 2015, vol. 124, p. 245–264. (In Polish)
85. Kwiatkowski St. *Powstanie i kształtowanie się chrześcijańskiej mentalności religijnej w Polsce do końca XIII w. [The emergence and formation of the Christian religious mentality in Poland until the end of the 13th century]*. Warsaw, 1980. (In Polish)
86. Narbutt T. *Dzieje starożytne narodu litewskiego [Ancient history of the Lithuanian nation]*, vol. 1: Lithuanian Mythology. Wilno, 1835. (In Polish)
87. Paszkiewicz H. *The Origin of Russia*. New York, Philosophical Library, 1954. (In English)
88. Shepard J. Rus'. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Ed. by N. Berend. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, p. 369–416. (In English)
89. Szweda A. Problem biskupa litewskiego Wita [The problem of Lithuanian bishop Wit]. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie = Masurian-Warmian announcements*, 2002, No 3, p. 327–339. (In Polish)
90. Třeštík D. Křest českých knížat roku 845 a christianizace Slovanů [The baptism of Czech books in 845 and the Christianization of the Slavs]. *Český časopis historický = Czech Historical Journal*, 1994, vol. 92, No 3, p. 423–459. (In Czech)
91. Urbanczyk P., Rosik S. The kingdom of Poland, with an Appendix on Polabia and Pomerania between paganism and Christianity. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Ed. by N. Berend. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, p. 263–318. (In English)
92. Vėlius N. Senovės lietuvių religija ir mitologija [Ancient Lithuanian religion and mythology]. *Krikščionybė ir jos socialinis vaidmuo Lietuvoje [Christianity and its social role in Lithuania]*. Vilnius, 1986, p. 9–42. (In Lithuanian)
93. Wojtecki D. *Studien zur Personengeschichte des Deutschen Ordens im 13. Jahrhundert [Studies on the personal history of the Teutonic Order in the 13th century]*. Wiesbaden, 1971. (In German)